

Несмотря на то, что в именном указе Павла I от 24 августа 1798 года «О разработке каменного угля для доставления оного на употребление в обе столицы»¹⁰ предлагалось соответствующим государственным учреждениям оказывать Н. А. Львову содействие, крепостнический государственный аппарат не только не помогал ему в его прогрессивных начинаниях, но, напротив, чинил всяческие препятствия. Об этом Львов с горечью писал в своей книге «О пользе и употреблении русского земляного угля»:

«Введение новых и нужных вещей в общее употребление столько же в полезную сторону медленнее, сколько стремительно в сторону невыгоды для тех, коих добрая воля служить соотечам и земле своей первыми выставляет на строгой и часто пристрастной суд! Почти всегда единая заплата для начинающего было нареканье, неприятности и труд, успех дела оставался по пути его следующему; тогда пройдет уже время, на толки определенное и идущий по готовой дороге, где трудности преодолел его предшественник, браня его, что он ничего не сделал, пожинает похвалы и пользу, которых семена не он сеял. Между тем забыто уже имя и дело того, который с добрым намерением искал доброго имени и понес труды для общей пользы.

«Имея некоторые неприятные опыты сей истины, ни о славе, ни о труде я, действительно, не мыслил, посвятив себя с лишком 10 лет в часы для отдохновения от должности мне оставшиеся, на обретение в России на выгодном месте минерального угля, убежден будучи только тем, что сделаю полезное дело, естли успех будет отвечать намерению моему, нашел уголь и много. По опытам посторонним нашлось, что он и на всё годится, ходил я челобитчиком, чтобы позволили разрабатывать вследствие монаршей воли найденной мною уголь; но разработка оного оставалась безгласною, смеялись обретению и обретателю, обещали, отказывали, и я, терпевши всякого рода неудачи 10 лет, не отстал от моего начала. Всё мне казалось, что, кроме большого подспорья дровам (и тогда уже час от часу дороже становившимся), одна выходящая ежегодно на уголь и на серу из государства сумма заслуживает не бросать моей находки, потому что, кроме 45 982 рублей, на иностранный уголь употребляемых, заплачено за горючую серу в 1788 году 84 546 рублей; итого 130 528 рублей.¹¹ Деньги бы сии оставались дома, уголь бы способствовал дешевизне дров, леса не столько бы выводились, из угля делали бы серу и, много денег расходясь на рабочих людей, обогатили бы тот край, где зимою почти ничего выработать нельзя.

«Вот причины, которые заставили меня искать уголь, и за них покорно прошу меня простить, естли кому-нибудь противен его запах».¹²

Как видим из приведенных цитат, а также из писем Львова к Г. Р. Державину и А. Р. Воронцову и из его отношений и донесений в Академию наук и Академию художеств,¹³ попытки Львова внедрить русский уголь взамен

¹⁰ ПСЗ, т. XXV, № 18638.

¹¹ «Уголь тогда продавался только от 8 до 15 коп. пуд; но с того времени цена оного более, нежели удвоилась: ибо в следующих годах привозной уголь от 25 до 40 копеек пуд, что по средней цене составило бы уже сумму 300 000 рублей. Правда, что с того времени, как начали привозить в столицу свой уголь, англичане спустили цену; но естли бы они и по 5 коп. пуд продавали, нет, мне кажется, для государства прибыли выпускать деньги за такой товар, которой своим заменить можно. Впрочем, цена и ныне углю состоит между 35 и 25 копеек пуд, в равновеску». (Примечание Н. А. Львова).

¹² «Н. А. Львов». О пользе и употреблении русского земляного угля. СПб., 1799, стр. 45—47.

¹³ Б. И. Коплан, ук. соч., стр. 699—710.